

Замочные скважины

Анна Парижская

сборник рассказов

Анна Парижская

Замочные скважины. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Парижская А.

Замочные скважины. Сборник рассказов / А. Парижская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503333-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Лаконичные рассказы, написанные изнутри, правдиво и искренне. Сюжеты развиваются динамично и создают сплетение интриг, которые заканчиваются порой намеренно неожиданно — именно так, чтобы читатель, став соавтором, сам решал судьбу героев». Александр Мелихов, прозаик-публицист, литературный критик и заместитель главного редактора журнала «Нева».

ISBN 978-5-00-503333-8

© Парижская А.
© Издательские решения

Содержание

Мир отражений Анны Парижской 6
Остров 7
Любовь алгоритма 11
Наваждение 13
Татьяна Петровна 15
Тайны Эдинбурга 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Замочные скважины
Сборник рассказов

Анна Парижская

Редактор Серафима Николаевна Богомолова
Дизайнер обложки Петр Швецов
Корректор Ребекка Лопес

© Анна Парижская, 2019
© Петр Швецов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3333-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мир отражений Анны Парижской

Короткие рассказы Анны Парижской достаточно объемны, ибо это не внешний срез бытия, а внутренний мир, мир отражений и психологических реакций ее литературных героев на вторжение реального мира во внутреннее пространство человека. В этих мини-текстах часто нет бытовых реалий времени. Трудно угадать страну. Пространство расширено и унифицировано. Во главе всего стоит некий человек, почти лишенный социальных привязок. Вернее, это всегда два человека – два полюса. Женщина и мужчина. И при этом именно женщина ведет главную партию в этом музыкально-психологическом дуэте. И здесь автору сопутствует скрупулезный психологизм в описании самых глубинных чувственных проявлений в сфере человеческих взаимоотношений.

Короткая проза – трудный жанр. Важен каждый штрих. Каждая незначительная деталь должна играть предназначенную ей роль поводыря в сокрытую от посторонних глаз сокровенную частную жизнь. Анне Парижской свойственно мыслить развернутыми метафорами на малом пространстве прозаического текста и, главное, подтекста, который, будем надеяться, откроется внимательному читателю. Внутри иных ее рассказов часто чувствуется напряжение, создаваемое намеками на события, которых как бы и нет, но они могут вполне случиться. И события эти тревожны и, возможно, даже опасны для персонажей. Этот художественный прием был характерен для фильмов Альфреда Хичкока. И поскольку Анна много лет живет в Англии, манера великого творца «иллюзиона страхов» могла оказать влияние на ее восприятие мира.

В ее рассказах яркие концовки. Чаще всего это открытый финал. То есть действие обрывается там, где по логике должно было бы только начинаться, накручивая кольца событий на стержень сложных взаимоотношений литературных персонажей. Чем дело закончится, как может показаться, не знает даже сам автор. Разгадать эту загадку вряд ли смогут и ОНА, и ОН, отдаваясь не на авторский произвол, а на провидение. И сколько бы читатели ни смотрели в «замочную скважину», полог частной жизни чаще всего частично или полностью закрыт от посторонних глаз. И хорошо, что автор достаточно деликатен и не грешит против истины.

Лидия Григорьева
22 августа 2019
Лондон

Остров

С высоты холма, где находился старый дом отцовской фермы, Джерри наблюдал, как белый «жук» *Volkswagen* медленно полз между зелеными холмами, то исчезал из виду, то появлялся снова. Наконец исчез окончательно, прежде чем подъехать к большому двухэтажному дому. Джерри уже ждал у крыльца и, как только автомобиль остановился, подошел и открыл дверь.

В больших круглых солнечных очках Джейн сильно смахивала на стрекозу. Она выставила наружу сначала ногу в замшевом ботинке, а затем выскользнула вся фигура. Джерри подхватил и обнял гостью. Небольшой ее чемоданчик он на ходу подцепил свободной рукой из багажника и повел Джейн в дом. В просторной гостиной уже горел камин и тянуло легким запахом дыма. Через стеклянные двери была видна небольшая терраса, переходившая в зеленую лужайку, за ней сад, а за садом открывался вид на холмы и поля до самого горизонта.

– Хочешь кофе? – спросил Джерри.

– Да, черный без сахара.

– Как долетела?

– Замечательно. Взлетели, и минут через двадцать объявили посадку. Люблю маленькие аэропорты. Выходишь быстро, людей мало. И автомобиль попался миленький – «жучок».

– Он тебе идет.

– Почему же?

– Ты тоже миленькая, – ответил Джерри и улыбнулся. Он разливал кофе из кофеварки. Джейн встала с дивана, подошла и села к нему на колени. Они не виделись больше месяца, но говорили каждый день, так мимолетное впечатление от первой встречи развилось во взаимное желание увидеть друг друга опять, и она прилетела.

– Хочешь посмотреть дом? – спросил Джерри, и они отправились наверх.

На втором этаже располагались четыре спальни, ванная комната и еще какие-то помещения.

– Ты можешь спать в любой комнате, но предупреждаю, в доме привидения, – сказал Джерри и скорчил страшное лицо.

– Ай! – взвизгнула Джейн подыгрывая. – Я буду спать с тобой! – и обхватила его за шею.

Они спустились вниз минут через пятнадцать. Джерри открыл дверцу камина и сунул в огонь полено.

– Ты хочешь посмотреть сад?

Они вышли через стеклянные двери из гостиной, и он повел Джейн к старому амбару, за которым лежали аккуратно сложенные длинные бревна.

– Эти деревья посадил мой отец. Он родился в этом доме и получил его в наследство от моего деда, который работал на ферме. Теперь там лес. Лесник, прореживая его, спиливает деревья и привозит сюда, а я их распиливаю на дрова, а потом рублю на поленья. Мне хватает на целый год.

Джерри открыл двери в амбар. Половина помещения до потолка была уложена поленьями.

– Вот, – сказал Джерри, – половину сжег в камине.

Потом указал на полку в углу.

– Видишь трубку? Ее курил мой отец и там ее оставил.

В полумраке сырого амбара Джейн почувствовала холод и поспешила выйти на солнце. Они вернулись к дому.

– Апрель в Ирландии – холодный месяц, но если солнцу удается пробить облака, то часам к двум эта сторона дома нагревается и до вечера можно сидеть на террасе, – сказал Джерри. – Что ты хочешь сегодня делать?

– Хочу сидеть на террасе на солнце и ничего не делать, – ответила Джейн.

Джерри ушел на кухню, а она осталась сидеть в деревянном раскладном кресле и, закрыв глаза, почувствовала на лице тепло весеннего солнца.

Он был немного странный, этот Джерри. С одной стороны, очень милый и общительный. С ним интересно. Он явно ухаживал за ней, хотя вначале Джейн не была в этом уверена. Она попыталась представить себя с ним, вернее, примерить его на себя. Получилась вполне симпатичная пара. Джерри вернулся из кухни и поставил на столик два бокала:

– Джин и тоник перед обедом. Сланчо!

Джейн взяла бокал.

– Сланчо! – она сделала глоток. – Ты давно живешь здесь?

– Четыре года, с тех пор как вернулся в Ирландию.

– Где ты жил до этого?

– Я путешествовал.

– Один?

– Да.

– Тебе не бывает одиноко?

– Бывает, но я привык. Я люблю быть один.

– Зачем ты пригласил меня?

– Ты мне нравишься, мне приятно с тобой.

Обогретая солнцем, расслабленная алкоголем, Джейн была готова не двигаться вечность, но Джерри встал и сказал, что пора обедать. Во время обеда они еще выпили бутылку красного вина, потом немного виски.

***

Проснувшись утром, Джейн продолжала лежать с закрытыми глазами, боясь прервать волшебную полудрему прошлой ночи. После завтрака они отправились на океан. Ехали молча. Он вел машину, она рассматривала незнакомый пейзаж за окном. Белые дома классических пропорций напоминали маленькие жемчужины в гигантских ладонях зеленых холмов.

Через час они подъехали к Большому каньону. Пошел мелкий дождь, и Джейн не хотелось выходить из машины. Небо было низкое, серое и почти касалось вершины скалы, вокруг которой им предстояло пройти. Люди, уже совершающие этот путь, походили на разноцветные гирлянды, обвивающие скалу, а побережье напоминало останки древней архитектуры какого-то разрушенного города, черные колонны которого упрямо стояли, несмотря на ветер и время.

– Это вулканическая лава приняла такую форму, хотя местный фольклор утверждает, что два великана строили мост, чтобы соединить Ирландию с Шотландией, – сказал Джерри и с энтузиазмом начал восхождение.

Джейн, натянув капюшон и нахохлившись от сырости, последовала за ним. Дойдя до середины, она окончательно промокла и мечтала только о теплом местечке у камина в каком-нибудь пабе и сухой одежде.

– Смотри! – сказал Джерри.

Джейн по-черепашьи высунулась из мокрого укрытия. С высоты птичьего полета открывался вид на океан, выглянуло солнце, и семицветной аркой вспыхнула радуга.

– Что это там за остров? – спросила Джейн.

– Шотландия.

По дороге домой Джейн обсохла и согрелась. Она нашла какую-то местную радиостанцию и весело подпевала и притопывала, а когда закончилась песня, спросила:

– Тебе тоже нравится эта песенка?

– Нет, – ответил Джерри.

– Тогда почему ты мне не сказал? Я бы ее выключила.

– Мне нравилось смотреть, как она нравится тебе, – улыбнулся Джерри и остановил машину у дома.

***

Джейн спустилась вниз в синих сумерках. В теплом свитере закопалась в плед на диване у камина. Джерри что-то готовил на кухне. Он принес ей вина и сказал, что забыл какой-то важный ингредиент, ему надо срочно съездить в ближайший магазин, и он вернется через двадцать минут. Сказал и вышел.

Она взяла лежащий на столе журнал и принялась листать. Сумерки очень быстро перешли в ночь, и за стеклянной дверью растворились в черноте и терраса, и лужок, и сад, зато четко отражались уже сервированный для ужина стол, и лампа над столом, и бутылка вина, и коридор у входной двери. Просматривая статью про астероиды, Джейн больше рассматривала картинки, не особенно концентрируясь на содержании, и краем глаза уловила какое-то движение в комнате. Она оторвала взгляд от журнала и увидела отражение в стеклянной двери: тень мужчины проследовала на верхний этаж.

– Джерри, – позвала Джейн, но он не откликнулся.

Неприятное чувство проснулось в животе, и она, взяв со стола свой телефон, набрала номер Джерри. Из кухни понеслись громкие неожиданные звонки. Джейн нажала отбой и еще больше зарылась в плед. Пламя громко билось в камине, заглушая тишину дома.

***

Джерри вошел, шумно открыв дверь, и, весело приветствуя, повертел в воздухе коробку с мороженым.

– Если это не убийца прячется у тебя наверху, то я только что видела привидение, – сказала Джейн.

– Это не убийца. Мой дом – безопасное место.

– Джерри, что это было?

– Я не знаю, но неизвестное – еще не причина для страха. Ты в Ирландии… Здесь люди верят в духов.

– Ты тоже это видишь?

– Иногда мне кажется, что да. Мой отец здесь вырос и жил последние годы. Этот дом – единственное место, где я могу быть близок к нему, насколько это возможно. Иногда я говорю с ним, но только в моем воображении, и даже слышу его голос. Мне хорошо здесь, спокойно. Я больше нигде не хочу жить.

– Ты меня пугаешь, – осторожно сказала Джейн.

– Почему? Я не сумасшедший и не привидение, – сказал Джерри и засмеялся, – я просто не боюсь и не бегу от непонятного.

– Зачем ты пригласил меня?

– Ты мне нравишься. Мне хорошо с тобой.

***

Утро следующего дня было необыкновенно солнечным. Джейн в хорошем дорожном настроении выглядела бодро. Она приняла душ, уложила волосы, выпила много кофе за завтраком и была готова к обратному путешествию.

Джерри уложил ее чемоданчик в машину и захлопнул багажник. Джейн в больших круглых очках, похожая на стрекозу, вертелась перед ним, пока он не сгреб в прощальное объятие ее вертлявую фигуру.

– Ты приедешь еще?

– Не знаю, может быть.

Джерри выпустил ее, и Джейн, открыв дверцу, нырнула в свой автомобиль. «Жучок» оживился и, медленно набирая скорость, исчез за поворотом, а Джерри продолжал смотреть, ожидая, когда он снова мелькнет вдалеке между зеленых холмов, и когда белый *Volkswagen* окончательно скрылся из виду, он почувствовал на плече теплую руку отца, и они вместе вошли в дом.

Любовь алгоритма

Про агентство Валенсия узнала от подруги. Конечно, это было рискованное предприятие – стать подопытным кроликом в таком деле, но они ее проконсультировали и гарантировали успех. Валенсия прочла инструкции и отчет о результатах эксплуатации и подписала контракт. Ей принесли каталог с фотографиями, и она остановила свой выбор на Станли.

У него было приятное лицо, мужественное. Каштановые волосы, голубые глаза. Он напомнил Валенсии одного парня, в которого она влюбилась на первом курсе и который ее бросил ни с того ни с сего. От переживаний Валенсия чуть не вылетела из универа, но, слава богу, обошлось, поэтому из довольно большого выбора, который предлагало агентство, она выбрала именно Станли. Она сказала, что хочет встретиться в баре, как люди.

Он уже сидел напротив входа, и как только Валенсия открыла дверь, сразу же наткнулась на его улыбку. Она подошла, Станли встал, поцеловал ее в щеку, пододвинул стул. Валенсия заметила, что губы у него были теплые, приятные.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал Станли.

– Что ты, я очень осунулась. Всего за одну неделю я потеряла вес, и посмотри же, что стало с моим лицом.

– Да, это правда, ну и что? Ты отдохнешь, придешь в себя, и твои силы восстановятся. Ведь самое главное не изменилось.

Валенсия улыбнулась и огляделась. Вокруг сидели люди, разговаривали, потягивая из своих бокалов разноцветную жидкость экзотических коктейлей. Никто не обращал внимания на ее необычного партнера, и Валенсия немного расслабилась. Она уже не была уверена, хочет ли начинать обсуждать с ним Анди.

– Я должен знать о тебе все. Расскажи мне, о чем ты сейчас думаешь?

– Я думаю об Анди, – ответила Валенсия. – Когда он говорит, что уходит от меня, мне становится страшно и я начинаю изо всех сил его удерживать. Мне хочется доказать, что я достойна любви. Тогда он возвращается ненадолго, чтобы сказать мне, что он уходит опять.

– Я понимаю, он человек и у него проблема с эмпатией – следствие травмированного детства и недополученного материнского внимания. Он причиняет тебе боль, но у него свои страхи.

– Да, – кивнула Валенсия, – я не люблю его, но когда он меня бросает, я прихожу в мастерскую и у меня опускаются руки. Восемь начатых работ. Я не могу ни одну закончить.

Станли внимательно следил за ней. Валенсия чувствовала тепло, исходящее от него, может быть, немного выше нормальной температуры тела. Энтузиазм, с которым она заговорила об Анди, как-то сошел на нет. Она потянулась к сидящему рядом теплому Станли и обратила внимание, как естественно лицо мудрого слушателя у него сменилось на лицо взволнованного любовника. Его взгляд не отвлекся ни на проходившую мимо сухопарую блондинку в прозрачной блузке, ни на грудастую красотку с красной помадой, оживленно болтающую с подругой и время от времени зыркающую на Станли. Казалось, у него отсутствовало боковое зрение. Станли, разглядывая ее лицо, смотрел на губы, и Валенсия, совершенно потеряв волю от его пристального внимания, подставила рот для поцелуя.

***

Валенсия вела машину. Они пробыли в баре недолго, и ее удивило, что за каких-то сорок минут она получила от Станли больше, чем добилась от Анди за целый год упорной борьбы. Ей опять стало жалко себя, и бесконтрольные слезы, ограничив обзор дороги, привели ее в панику, когда она, выбрав неправильный съезд, оказалась на незнакомой дороге, но вместо привычных ругательств услышала:

– Ничего страшного, я прекрасно знаю, где мы. Не волнуйся.

У Станли включился навигатор, и он очень быстро вывел ее на нужную трассу. Пока Валенсия совершала маневры, следуя инструкциям Станли, Анди, по привычке шурудивший в ее мозгу, заткнулся и уполз в дальний темный угол ее сознания и не показывался до самого дома.

***

Накануне Валенсия целую неделю не выходила на улицу, и хотя аппетита у нее совсем не было, все запасы были съедены. Станли прекрасно сориентировался в ее доме и, порывшись в шкафчиках и собрав все, что оставалось в холодильнике, приготовил отменную вегетарианскую лазанью.

Он постучал, когда все было готово. За закрытой дверью в ванной комнате, в золотом мерцании дюжины свечей, продолжалась ее мучительная борьба с Анди.

– Да-да, – отозвалась Валенсия.

Дверь открылась, и она, временно утопив своего мучителя, встала и обернулась в полотенце.

Всю ночь она проспала у Станли на спине, крепко обняв за шею. Электромагнитная терапия, исходящая от него, сняла усталость и напитала ее силами. Валенсия проснулась в бодром настроении и, сидя в постели, пила кофе. У нее в мозгу назревал новый монолог для Анди.

Наваждение

Николь вылетала из Лондона поздним рейсом. Перелет через Атлантику обещал быть долгим. По ту сторону океана ее ждали родители. Николь планировала провести с ними несколько дней перед Новым годом, а 30-го улететь в Седону.

В Седоне, в просторном одноэтажном доме, жил Джон, ее старый друг. Он оставил Нью-Йорк, как только ему стукнуло семьдесят, жил скромно, занимался духовными практиками, а с Николь они три раза в неделю медитировали. Джон звонил ей на *WhatsApp* в назначенное время, и они сидели молча по разные стороны океана.

***

Они познакомились лет двадцать назад. Николь нашла его книжку стихов в магазине старых книг и, когда в очередной раз навещала родителей, разыскала его телефон и позвонила. Она рассказала, как его книга, случайно найденная в провинциальном английском городке, изменила ее жизнь. Так они впервые встретились на его ранчо, где он проводил лето с женой, и началась долгая дружба, и хотя они виделись крайне редко, связь, возникшая между ними, почти не прерывалась.

В конце сентября Джон не позвонил, и Николь сама набрала его номер. Ответил незнакомый мужской голос и сообщил, что Джон нездоров. Голос представился, его звали Роджер. Он подробно описал состояние больного и весь процесс лечения и поинтересовался, кем Николь приходится их общему другу. Завязалась долгая беседа и увела их сначала в Лондон на турецкий ковер у камина, где сидела Николь, потом в Индию, где Роджер провел девять лет в ашраме, потом Николь увлекла его рассказом о любви в далекую снежную Россию, где прошли семь лет ее жизни, и в конце концов они расстались в Аризоне после неожиданного пятичасового путешествия.

***

Через три недели Джон достаточно поправился и их регулярные медитации восстановились, но тишина, натянутая между ними, нарушалась помехами. Николь слышала в ней громкие шумные вибрации, она чувствовала трансляцию Роджера. Его энергия нарушала гармонию между двумя континентами, и Николь наконец решилась и купила билет.

Рейс был прямой, без пересадки. Николь устроилась удобно в кресле под пледом и приготовилась смотреть фильм. Рядом с ней сидела молодая парочка, укрывшись одним пледом, у каждого в руках был телефон. До Николь вдруг дошло, что они подключены к интернету, и тогда она, прервавшись на середине фильма, отправила сообщение Роджеру. Она написала, что ей безразлична их разница в возрасте. Она чувствует в его голосе мужественность и силу, которую искала. Она чувствует желание соединиться с ним в любой форме, поэтому она сейчас в воздухе, над океаном, по дороге к нему пишет этот текст.

***

Утром Николь проснулась в родительском доме. Ответ от Роджера так и не пришел. Лежа с закрытыми глазами, она придумывала разные причины. Возможно, он передумал и теперь не знает, как ей об этом сказать. Или испугался, может, у него не такой уж и сильный характер. И постепенно возбуждение от встречи с Роджером растаяло, оставив слякотное чувство бессмысленности всей затеи.

На кухне уже завтракали родители. Мама, в шелковом кимоно, голосом с трещинками, как на старинной картине, исполняет арию, и отец внимает, дирижируя чайной ложкой. Они не сразу заметили Николь. Она налила себе кофе и села к ним за стол. Мама замолчала и, повер-

нув к Николь лицо постаревшей красавицы, одарила дочь улыбкой. Отец разочарованно вскинул брови, не понимая, зачем прекратилось пение. Они были удивительной парой, ее родители. Мать юной студенткой влюбляется в своего профессора, и он, уже шестой десяток, не в силах оторвать от нее глаз.

– Как вовремя ты приехала, родная! – произнесла мать.

– Мама, я уеду на четыре дня и вернусь после Нового года.

– Ох, как жаль! Твоя сестра приедет с детьми и с мужем.

– Да, знаю, я их застану на пару часов.

Николь допила кофе и вышла. Из кухни полилась прерванная ария. Николь вспомнила, как в детстве родители, громко смеясь, носились по дому. Отец был шумный, требовательный, и мама всегда была рядом с ним. Они часто запирались в спальне среди дня, и Николь помнит, как однажды постучалась к ним. Отец решил пошутить и, тонко разлив спирт под дверью, поджег его. Пятилетняя Ники больше никогда не подходила к двери.

Николь вернулась в свою комнату и не могла решить, что делать. Наконец пришло сообщение от Роджера. На ее длинный текст в две с половиной страницы он ответил через двенадцать часов: «Мы ждем».

***

Николь специально остановилась в мотеле, в пятнадцати километрах от дома, где жили Джон и Роджер. Она все продумала еще в Лондоне. Если не сложится, у нее будет убежище, где она сможет прийти в себя, выспаться, собраться с мыслями. Перед тем как отправиться к ним, Николь решила посмотреть городок и позавтракать. Ей нравилась простота и провинциальность этого места. Николь сразу все заметили как приезжую. Некоторые здоровались, улыбались, и одна женщина в кафе, прищурив глаза, сказала, что чувствует в ней силу целительницы.

Николь всегда привлекала природа, особенно пустыня. Еще в Лондоне, лет шесть назад, у нее были фантазии уехать в Аризону, и вот она по дороге к самому близкому ей человеку, которого ни разу не видела, но ради которого оставила все и прилетела.

Роджер открыл ей дверь, но от сильного, почти нервного волнения они запутались на пороге, и, увидев в дальней комнате Джона, Николь вырвалась к нему.

Джон сильно постарел, болезнь отняла у него силы. Он сидел в кресле, она подошла и обняла его. Они не виделись восемь лет, с тех пор как он потерял жену. Джону повезло, он встретил Роджера, который за небольшую плату готовил и помогал по хозяйству, а теперь переехал ухаживать за больным. Это была странная дружба, больше похожая на монахов-отшельников. Роджер поставил стул для Николь и сел напротив, рядом с Джоном. Оба внимательно и молча смотрели на нее. Она закрыла глаза. Ее нарушенный от дальнего перелета биоритм давал о себе знать. Николь хотелось заснуть или умереть, но день только начался.

Они говорили мало, ели молча, потом медитировали. Она провела в их доме пять бессмысленных мучительных часов и, наконец, решилась уйти. Роджер, проводив Николь до двери, обнял ее на прощание, и вдруг она ощутила в его объятии свободу, давным-давно утраченную у закрытой родительской двери, охваченной пламенем чужой запретной страсти.

Татьяна Петровна

Накануне Нового года Татьяна Петровна неожиданно осталась одна. Это произошло случайно и впервые. Сколько себя помнит, она всегда готовилась к нему заранее, с суеверной одержимостью, стараясь соблюдать магическую символику наступающего года. Как правило, вариантов всегда было два: либо дома с любимым, либо шумное веселье в гостях. Но это в ранней молодости, а позже, уже с детьми, выбор был не очень-то велик: либо дома выпить шампанского, либо дома, но не пить, а лечь спать, потому что рано утром подымут дети и будет болеть голова. Потом дети выросли и стали встречать свой Новый год, и у Татьяны Петровны остался выбор: либо дома скучать вдвоем, либо уйти, и она ушла.

***

Улица закруглялась и была похожа на венецианский канал, вдоль которого тянулись платаны и вытягивались до самых крыш. Осенью у них спиливали молодые побеги, и они стояли, сжав кулачки всю зиму, до самой весны.

***

Татьяна Петровна перебрала в уме всех знакомых и даже рассмотрела возможность побега в другой город и даже в другую страну, но постепенно паника сменилась желанием пустить все на самотек. Ей захотелось посмотреть старый сентиментальный фильм, в котором шел снег, и, открыв компьютер, Татьяна Петровна быстро нашла его в *Youtube*. Зашипела старая пленка, зазвучала знакомая мелодия, поехала камера, и он пошел, белый, пушистый, на фоне запрошенных крыш, и напомнил ей одну московскую зиму. Ей был двадцать один год, а его звали Феофан, и он снимал крохотную комнату у одинокой старушки. Таня пробиралась в темноте сквозь белоснежные сугробы в тесную, теплую, душную берлогу. Ее пальцы тонули в его каштановых волосах, а она сама – в омуте собственных спутанных чувств.

В ее мозгу вспыхнуло желание найти Феофана. Татьяна Петровна вспомнила его фамилию и, поставив на паузу фильм, открыла новое окно и вышла в ФБ. Открыв функцию «поиск друзей», она впечатала его имя и фамилию, нажала «ввод», и вдруг на экране выскочила фотография бородатого седого человека в нахлобученной шляпе. Шок привел ее в чувства, и до сознания дошло, что с тех пор прошло тридцать лет, и уже нет того парня, да и ее, той Тани, уже тоже нет. Осознав эту мысль, Татьяна Петровна спокойно начала разглядывать фотографию. Сомнений не было, это был он. Бесконтрольно в ее воображении восстанавливались еще не стертые из памяти далекие эпизоды их трехмесячной любви. Фигура Феофана, сидящего на полу, обхватившего руками колени. Дуга спины, разлет ключиц, на шее, как на пьедестале, юный лик отражает мерцание единственной в комнате свечи. Его голосом начитанные строки Пастернака приводили Таню в любовный транс. А Феофан продолжал из Блока, что-то опять про снег.

Татьяне Петровне захотелось узнать, как же сложились тридцать лет жизни человека, в густых волосах которого когда-то тонули ее руки. Она начала рассматривать фотографии последних пяти лет, остальное отсутствовало. Среди фотографий какой-то экзотической страны, где Феофан иногда попадает в кадр на фоне архитектуры и исторических развалин, одна фотография с женщиной. Женщина улыбается в темном интерьере, а он рядом, но смотрит в сторону, немного смущенно и влюбленно. Потом идут фотографии разных стран. Почти на всех одет стильно, немного театрально и всегда в шляпах. И вдруг через несколько лет исчезают шляпы. Глаза слегка тускнеют, как будто дали занавес и он уже в гримерке и снял костюм.

Татьяна Петровна закрыла компьютер и встала. День едва занялся сиреневым рассветом. Зимние деревья за окном, похожие на прутья, застыли в ожидании чего-то. До Нового года оставался целый день, Татьяне Петровне захотелось увидеть праздник.

***

Когда она вышла из метро, ее ослепили улицы города в гирляндах. Электрические ангелы парили над толпами пешеходов, разглядывающих яркие витрины. Татьяне Петровне захотелось купить себе что-то очень красивое, и она зашла в распахнутую стеклянную дверь магазина. Быстро перебирая пестрые наряды на вешалках, она пыталась представить себя в них, но ничего особенно не впечатляло. Рядом с ней возникла моложавая блондинка, синхронно повторяя движения Татьяны Петровны, начала быстро перебирать одежду, через какое-то время, выдернув темно-бордовое платье, приложила к себе. Татьяна Петровна скосила глаза в сторону блондинки с платьем и сразу представила, как эта женщина будет встречать Новый год с любимым человеком, каким-нибудь бородатым красавцем, со свечами и шампанским в этом бордовом платье, но блондинка оставила платье и ушла.

Татьяне Петровне захотелось перекусить в своем любимом ресторанчике. Идти пешком было минут двадцать. Она знала дорогу закоулками, чтобы избежать толпы, но люди были везде, а у ресторана тянулась длинная очередь, и Татьяна Петровна поспешила домой.

Ей было приятно после городской суеты вернуться в свою уютную квартиру. Татьяна Петровна налила себе немного вина и, решив не дожидаться полуночи, легла рано, но перед тем как заснуть, еще раз открыла страницу Феофана и вдруг неожиданно для себя написала в его почту: «Ты помнишь меня?»

Татьяна Петровна заснула крепко, но сквозь сон слышала и бой часов, и выстрелы фейерверков, а телефон, лежащий рядом, таинственно освещал ее комнату каждый раз, когда ей приходило очередное поздравление от близких и когда-то любимых.

Тайны Эдинбурга

Эдинбург звучал как заклинание.

Элизабет запланировала эту поездку полгода назад и нашла дорогую гостиницу с большой сезонной скидкой. За четыре дня до поездки Тому срочно пришлось вылетать в Гамбург по служебным делам. Разговор был неприятный, ей совсем не хотелось ехать одной, она демонстративно вышла из квартиры, чтобы громко хлопнуть дверью. В баре, где она в безопасности пережидала вспышки гнева, игнорируя звонки от Тома, всплыл в памяти один знакомый. Элизабет порылась и нашла его номер в записной книжке.

– Привет, узнал?

– Привет, узнал.

– Я еду в Эдинбург, можем встретиться.

– Я там уже не живу. Уехал четыре месяца назад.

– Ты шутишь? За все эти годы я наконец еду, и ты не там?

– Нет.

– Где же ты?

– Я теперь живу один в Париже.

– Ни фига себе, ты что, оставил семью?

– Могу дать телефон знакомых, они тебя развлекут, покажут окрестности. Хорошие ребята, тебе понравятся.

***

До Эдинбурга был всего час лету. Самолет, разогнавшись, оторвался от взлетной полосы и взвился в небо, а когда кренился, ложась на курс, то лоскутное одеяло вспаханной земли тоже медленно поднималось и кренилось к небу. За двадцать минут до посадки у Элизабет заложило уши и она совсем оглохла. Ни рева моторов, ни разговоров сидящих рядом, ни стюардесс, предлагавших напитки. Ничего. Пустота. Полная изоляция и сильная режущая боль в висках, и вдруг среди этой космической тишины голос пилота, как голос Бога, объявил посадку.

Только в автобусе по дороге в город к ней наконец вернулись звуки, и она набрала номер новых еще незнакомых знакомых. На звонок ответил Чарли. Элизабет представилась и объяснила, что получила этот номер от Владимира, их общего друга. У Чарли был приятный баритон и дружеская манера болтать по телефону. Он шутливо сообщил, что непременно передаст жене, ведь это она близкая подружка Владимира, и доверительным тоном добавил, что сам готов общаться с поэтами в ограниченном количестве.

В пять ноль пять раздался звонок, и очень нежный женский голос спросил:

– Это Элизабет? Вы подруга Володи? Мне муж сказал, вы в городе. Мы можем встретиться. Я только что закончила работу, но мне надо заехать домой. Нет, совсем не устала. Я быстро. Мне кое-что нужно сделать для сына, и я сразу приеду. Пришлите адрес.

***

Номер в гостинице был уютный, стилизованный под восемнадцатый век, с большой кроватью. Особенно хороша была ванная. До встречи оставалось полтора часа, и Элизабет, открыв кран, вылила в бурлящий поток ароматную жидкость из маленькой бутылочки. Телефон она отключила, чтобы не отвечать на звонки Тома.

Она разложила вещи, включила нижний свет и задернула портьеры. Налила в стакан немного виски, закрыла кран, сбросила одежду на пол и, погрузившись в горячую воду, почувствовала, что у нее есть тело. Она удивилась своему открытию и усилием воли расслабила

мышцы, потом глотнула виски и, закрыв глаза, следила, как медленно согревалось и отпускало внутри.

***

Выйдя из гостиницы, Элизабет увидела худенькую фигуру женщины и, спустившись с крыльца, поздоровалась. Маргарита улыбнулась. Ее лицо было наклонено, она смотрела чуть исподлобья, как будто немного виновато. Нежное очертание губ делало улыбку тоже нежной.

– Поужинаем? – предложила Маргарита. – Я знаю хороший ресторан, там вкусно и уютно, и мы сможем поговорить.

Ресторан был действительно хорош, вегетарианский. Они сделали заказ.

– Вы давно знаете Владимира? – спросила Маргарита.

– Давно, но мы не близко знакомы. Я бывала на его чтениях, когда он приезжал в Лондон.

Принесли заказ. Все выглядело аппетитно, и Элизабет взялась за еду.

– А вы здесь по работе? – спросила Маргарита.

– Нет, просто сбежала на несколько дней восстановить равновесие. У вас один ребенок?

– Да, сын, ему три года. А что вы хотите посмотреть в городе? Я могу подсказать.

– Спасибо, я думаю, просто погуляю, схожу в какую-нибудь галерею, здесь очень красиво.

– Вам нравятся стихи Владимира?

Элизабет задумалась и попыталась вспомнить.

– Не знаю, не очень, слишком пафосно.

– Он вам что-нибудь рассказывал обо мне? – спросила Маргарита. – Он просил вас мне что-то передать?

Неожиданные вопросы оторвали Элизабет от салата, и она от растерянности очень искренне ответила:

– Нет, ничего…

Зазвонил телефон.

– Это Чарли, – сказала Маргарита. – Алло! Да, мы в ресторане. Уже заказали.

Маргарита тихо засмеялась, видимо интимной шутке мужа.

– Хорошо, я спрошу, – произнесла Маргарита и бросила телефон в сумку. – Чарли зовет к нам в гости. Поехали? Я вас потом отвезу.

***

Дверь открыл Чарли. От неожиданности Элизабет смутилась. Она всегда смущалась при виде красивых мужчин. Он взял ее пальто, поцеловал жену, проводил Элизабет в гостиную, предложил садиться на диван или в кресло, предложил вина, шутил, интересовался, чем занимается Элизабет, и где живет, и что думает об Эдинбурге, заглядывал в детскую, где уже спал ребенок, на вытянутую руку ловил проходящую по комнате Маргариту и, притянув к себе, целовал то руку, то плечо, то шею. Маргарита смущенно улыбалась, принимая ласки мужа.

***

По дороге в гостиницу Маргарита сделала круг, чтобы показать Элизабет город. Когда они проезжали мимо какого-то парка, Маргарита сказала:

– Это мое любимое место. Здесь есть одна аллея сакур, она зацветает ранней весной такими нежными розовыми цветами. Когда-то я была здесь очень счастлива.

– С кем? – спросила Элизабет.

Они проезжали по узким улочкам старого города под средневековыми каменными арками. Редкие крупные снежинки начинали свой волшебный зимний танец, а сквозь них на вершине скалы, вокруг которой растянулся город, чернел силуэт Эдинбургского замка.

Они подъехали к гостинице.

Прощаясь, Маргарита вышла из машины. Шел снег.

– Мне нравятся его стихи, они живые, в них есть страсть.

Элизабет чувствовала, что должна что-то ответить, но не могла придумать что. Глядя исподлобья, Маргарита улыбнулась и протянула ей руку.

– Прощайте, – сказала она и быстро уехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.